«Об истинном богословии». Речь Святейшего Патриарха Сербского Порфирия после вручения ему степени почетного доктора богословия МДА

Служба коммуникации ОВЦС, 27.04.2025. 25 апреля 2025 года в актовом зале Московской духовной академии состоялась торжественная **церемония вручения** Святейшему Патриарху Сербскому Порфирию диплома почетного доктора этой духовной школы. Ученая степень почетного доктора богословия была вручена «за признанный научный и образовательный вклад в развитие богословской науки и укрепление связей Между Русской и Сербской Православными Церквами»; отличительные знаки этого ученого звания Предстоятелю Сербской Церкви вручил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В своей докторской речи «Об истинном богословии», прозвучавшей на русском языке, Предстоятель Православной Церкви рассказал о неразрывной связи молитвы и богословия, его культуротворном значении и влиянии на социальную сферу бытия человека; о богословии как хранителе человеческого достоинства во времена идеологических упрощений, свидетельстве

единства и любви в свете Воскресения Христова.

Выступление публикуется ниже полностью:

«Христос воскресе!
Ваше Святейшество, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл!
Ваше Преосвященство, глубокоуважаемый Владыко,
ректор Московской духовной академии
епископ Сергиево-Посадский и Дмитровский Кирилл!
Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие собратья архиереи!
Высокопреподобные и всечестные отцы, братья и сослужители о Господе!
Глубокоуважаемые профессора и преподаватели!
Дорогие студенты и аспиранты!
Дорогие братья и сестры во Христе!

С чувством глубокого уважения, благодарности и смирения принимаю эту исключительную честь – ученую степень почетного доктора, которую мне присваивает во всей православной ойкумене знаменитая и уважаемая Московская духовная академия в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Эту награду воспринимаю как одну из самых значимых вех в моей долголетней богословской и научно-исследовательской деятельности, а также в моем педагогическом и образовательном служении.

Эту высокую честь принимаю не как свидетельство своего достоинства, а как выражение оказываемого мне доверия в служении Логосу Божию и в жизни Православной Церкви Христовой. Эту награду научно-богословского сообщества Русской Православной Церкви воспринимаю как благодатный дар и видимый знак нашего единства во Христе – знак, одновременно обязывающий, вдохновляющий и укрепляющий.

Вот почему, прежде всего, возношу славу, поклонение и благодарение Господу нашему Иисусу Христу, Единому Человеколюбцу и Подателю всех благ, Сыну и Логосу Божию, Первому и Вечному Богослову Церкви, благоволением Отца и действием Пресвятого Духа – Источника жизни и богословия – даровавшему роду человеческому познание истины и сделавшему нас причастниками божественной Тайны.

Для меня честь выразить искреннюю и глубокую признательность этому честному и богоугодному училищу – Московской духовной академии – не только как пользующемуся уважением высшему учебному заведению, но и месту живого Предания и духовной собранности. Этот дух узнаю в сродной миссии нашего старейшего богословского училища – Православного богословского факультета Белградского университета, задача которого – не только сохранить богословскую науку, но и оживотворить ее в жизни Церкви и народа.

Мы собрались в эпоху, которая все меньше знает тишину, собранность и слово, зреющее во

внутреннем безмолвии. Именно в такие времена миссия сохранения и возобновления богословской науки заставляет нас вспомнить о том, что знание является не простым накоплением данных, а проявлением внутренней зрелости, призывом к ответственности и готовности услышать голос другого.

Во времена разобщенности и разделенности, это событие свидетельствует о том, что истина соединяет; что теология – это не разделяющая стена, а мост, который связывает; что любое истинное призвание, независимо от того, академическое оно или духовное, приобретает полноту и смысл только в Церкви.

Итак, благодарю вас за оказанную мне честь, которая в то же время является и призывом к более усердному служению, более внимательному слушанию и к более сосредоточенной молитве. А теперь разрешите мне перейти к изложению краткой богословской рефлексии – не учителя, а христианина, собрата и сослужителя, молитвенно стоящего перед Тайной Воскресения, на тему:

ОБ ИСТИННОМ БОГОСЛОВИИ

«Если ты богослов, то будешь молиться истинно,
а если истинно молишься, то ты – богослов»
(Εἰ θεολόγος εἶ, προσεύξῃ ἀληθῶς· καὶ εἰ ἀληθῶς προσεύξῃ, θεολόγος εἶ)

Это знаменитое изречение, обычно приписываемое Евагрию Понтийскому, выражает ключевое знание раннехристианского Предания: богословие и молитва являются не отделенными друг от друга усилиями и подвигами, а двумя видами одной и той же действительности. Когда здесь говорим молитва, то, прежде всего, всем своим существом, умом и сердцем исповедуем веру в то, что Божественная Евхаристия – молитва *par excellence*, на которой зиждется жизнь Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Без участия в ней – Всетаинстве Церкви – и без ее печати, невозможно не только правильно богословствовать, но даже называть себя христианином. Поэтому приведенный закон нашей веры (*lex credendi*) действительно предполагает закон молитвы (*lex orandi*); закон же молитвы (*lex orandi*), восходящий к евхаристическому этосу, рождает закон богословствования (*lex theologizandi*).

Возвращаясь к высказыванию Евагрия, особенно уместно размышлять о соотношении молитвы и богословствования в свете Воскресения Христова, которое с радостью празднуем в эти дни. Ибо в Воскресшем Господе молящийся обращается не к умом созданному понятию или отвлеченному идеалу, а к Живому Богу, смертью победившему смерть. Молитва становится беседой с

Воскресшим Христом, а богословие – свидетельством жизни, восторжествовавшей над гробом. Как восклицает апостол Павел: *чтобы познать Его, и силу воскресения Его* (Флп 3. 10) – это внутренняя тоска каждого истинного богослова.

Это наставление, порожденное духовной мудростью отцов-пустынников и впоследствии подтвержденное в творениях святых отцов, таких как Григорий Богослов, Максим Исповедник, Исаак Сирин, Иоанн Лествичник и многие другие, отражает глубокое единство человеческой личности перед Богом.

Укорененное в восточноправославном духовном наследии, это изречение является подтверждением того, что богословие – это не только академическое начинание или интеллектуальная дисциплина, а плод непосредственного, живого общения с Богом. Подлинное богословие не возникает из абстрактного размышления, а в безмолвии сердца, смиренно предстоящего Божественному. Истинная молитва значит погрузиться в тайну литургического присутствия Бога, а из этой личной встречи рождается слово, которое достойно назваться богословием (*θεολογία*).

Это изречение отнюдь не просто духовное крылатое слово. Оно имеет глубокие и далеко идущие последствия – духовные, этические, церковные, даже культурные. Оно объединяет все существо человека – ум, сердце, тело и душу – в единое движение, устремленное к Богу. В свете сказанного богословие – это не только речь о Боге, а проявление внутренней жизни, преображенной благодатью Духа Святого.

Следовательно, эта древняя максима – не только духовное поощрение, но и всеохватывающее богословское видение, коренным образом преображающее самые основы понимания богословия и его проявления в жизни. Из этого отправного пункта вытекает множество глубоких и существенных последствий.

О богословских последствиях

Упомянутое высказывание, в сущности, является подтверждением того, что истинное богословие не проистекает из отвлеченного спекулятивного рассуждения, а из личного духовного опыта. Под личным подразумеваем не индивидуалистский, а церковный опыт, который в согласии со всеми святыми. Богословие в этом смысле представляет не преимущественно академическое дело, а плод встречи и экзистенциального и литургического взаимоотношения с живым Богом. Молитва не подготовка к богословию – она есть богословие. В молитве человек стоит перед Богом в качестве не наблюдателя, а участника в евхаристическом Таинстве Божием. Это участие (*μέθεξις*) и есть основание любого подлинного богословского знания.

Такое понимание отдает предпочтение опытному знанию перед интеллектуальной абстракцией. Подлинное богословское знание всеохватно: оно активизирует не только разум, но и сердце, волю и очищенный *νοῦς – ум, преображенный благодатью, через подвиг (ἄσκησις)* и смирение. В связи с этим богословие возможно только в той мере, в какой личность человека постоянно преображается. Это путь обóжения (*θέωσις*), на котором молящийся уподобляется Богу, и только так становится способным наблюдать божественные реальности.

Это понимание одновременно подчеркивает неразрывное единство *ортодоксии* и *ортопраксии*. Правильная вера и правильное богослужение, догмат и подвиг, учение и молитва представляют не параллельные течения, а один и единый путь общности с Господом. Следовательно, богослов является не только мыслителем, но и свидетелем (*μάρτυς*), говорящим о виденном и познанном им в личной встрече. В этом смысле богословие по своей природе литургично и доксологично. Его естественным пространством является богослужение Церкви, а его высшим проявлением – Божественная Литургия.

Как свидетельствует апостол Иоанн: *Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели* (Ин 3. 11). Так бывает и с богословом: то, что было познано и видено в молитве, становится богословием.

Преображающая природа молитвы открывает еще одну существенную сторону богословской аутентичности: соответствие жизни и слов. Невозможно истинно говорить о Боге, живя в неистине. Богословское слово, отделенное от смирения, послушания Церкви и ее каноническим служителям, отделенное от покаяния и любви, теряет свое основание. Молитва, основывающаяся на верности Церкви, становится своеобразным сопротивлением – отказом от принятия эгоистичной и близорукой логики мира сего, и тихим, но стойким противостоянием силам, стремящимся не к общности, а к контролю.

Такое богословское ви́дение защищает от редукционистского и секуляризованного понимания. Оно ставит под вопрос современные тенденции, сводящие богословие к историческому анализу, социологическому комментарию или построению отвлеченных концептуальных систем. Вместо этого оно настаивает на сохранении мистического и та́инственного характера богословия как образа бытия в отношении и со Святой Троицей и с ближними. В этом контексте богословие должно истолковываться при помощи того, что можно назвать *герменевтикой смирения*, где толкователь прежде всего молящийся, а лишь потом говорящий.

Этим, конечно, не умаляется ценность академического исследования. Наоборот, его значение подтверждается и оно возвышается, при условии, что основано на молитвенной жизни. Внимательное толкование Священного Писания, тщательное изучение отеческого Предания и

критическое мышление, безусловно, занимают важное и неоспоримое место, но они должны быть связаны с внутренней жизнью, преображенной благодатью Духа Святого.

Итак, богословие не только речь о Боге, оно – беседа с Богом. Оно диалогично, реляционно, предполагает участие. Речь идет не об отдельном деле или предприятии, а об образе бытия – о жизни, постоянно преображающейся в подобие Христово. Вот почему крупнейшими богословами в истории Церкви были прежде всего люди молитвы – лица, слова которых приобретали вес, ибо возникали из молчания перед Тайной Христа.

Изречение о взаимосвязи молитвы и богословия становится одновременно и критерием и коррективом, разоблачая все формы богословского выражения, отделенные от духовной и церковной жизни. Оно призывает к подлинности в вере и рассуждении, к соответствию предмета исследования и образа жизни, а также напоминает о том, что наличие диплома, ученой степени и звания недостаточно, чтобы быть богословом. Для этого нужно встать на колени перед Престолом Божиим и в этом смирении произнести преображающее слово.

О культуротворных последствиях

Последствия этого отеческого изречения выходят далеко за пределы личной или духовной области, простираясь от внутренней клети сердца до самого сердца культуры. Если богословие коренится в подлинной молитве, оно не остается исключительно частным внутренним подвигом, а начинает формировать само воображение, ценностные ориентиры и жизненные образцы народа. Оно становится культуротворным в самом глубоком смысле этого слова.

В мире, характерными чертами которого все больше становятся шум, суета и утилитаризм, упомянутое выше богословское ви́дение подтверждает ценность созерцания как вида сопротивления современной секулярной культурной матрице и снова обращается к тишине, смирению и внутреннему вниманию как более возвышенным формам мудрости. Таким образом оно ставит под вопрос культуры, одержимые продуктивностью и контролем, призывая вместо этого к образу бытия, основанному на доверии, смирении и общении.

В рамках такого понимания богословие является не только передающимся теоретическим содержанием – оно становится *формообразующим* фактором. Богословие представляет духовное *воспитание* (*παιδεία*), внутренний процесс воспитания, основу которого составляют жития святых, ритм литургического богослужения, терпеливый постепенный труд молитвы и тщательное изучение священных богословских текстов. Следовательно, подлинное богословствование не возникает в результате накопления данных, а формируется в преображающей встрече с Богом и ближними. Его живут и передают в общине – через общую молитву, жизнь в таинствах и соборную память Церкви.

Культура естественно проистекает из этого духовного ядра. Иконы, гимнография, литургическая поэзия и сакральная архитектура – не случайные украшения или пустая орнаментика, а живое выражение богословского ви́дения. Проистекая из молитвы, они призывают других принять в ней участие. Они подтверждают слова святого Дионисия Ареопагита, описавшего космос как теофанию – откровение божественного через видимое. Красота этих культурных форм – не эстетика ради эстетики. Она та́инственна: через видимое открывает невидимое, через преходящее – вечное.

В этом смысле богословие, источником которого является подлинная молитва, способствует возобновлению культуры. Оно оказывает сопротивление унижению сакрального; его сведению к представлению; восприятию Предания как ностальгии и богословия как простой технологии речи (*τεχνολογία λόγου, λογοτεχνία,* по словам святого Григория Богослова); сведению образования к формальному узкопрофессиональному обучению. Такое богословие призывает к возобновлению та́инственной эстетики, к новому открытию языка, который поэтичен, литургичен, мистичен. Оно восстанавливает *литургическую космологию,* в которой ритм времени, форма пространства и община Духом Святым преображаются и направляются к Божественному.

Помимо этого, это богословское ви́дение укрепляет преемственность поколений. Молитвенное богословие делает возможным передачу веры не только как наставления, но как живого опыта – в рассказах, действиях, обычаях и в священной памяти. Оно становится скрытой архитектурой культурной идентичности народа, опирающейся на нечто гораздо более глубокое, чем идеология или чувства.

Это богословие по своей природе и этично и общее. Оно вдохновляет на аутентичность в человеческих отношениях, поощряя искренность, эмпатию и цельность. В мире симуляции и перформативной интеракции оно призывает к глубине, истине и реальному присутствию. Будучи таким, оно становится основой для подлинного обновления общества, не через программы и стратегии, а через молитвой преображенных лиц.

В самом широком смысле эта духовная антропология порождает новое ви́дение самого мира. Природа больше не воспринимается как сырье для потребления, а как священный дар. Следовательно, молитва порождает космологическую ответственность, а духовная жизнь становится основой для сохранения сотворенного мира, смиренной заботы о нем и его нового открытия как проявления Божественной премудрости и творческой Тайны.

В культурах, все больше отделяющихся от трансцендентного, эта древняя отеческая мысль остается пророческим голосом. Сопротивление секуляризации надо оказывать не бегством и

отступлением, а тихим возобновлением самых глубинных источников смысла. Эта мысль напоминает нам о том, что богословие не может быть закрыто в классах и аудиториях и ограничено стенами храмов – оно должно формировать искусство, образование, язык и политическую жизнь (в ее исходном, государствотворном смысле), а также семейный и общественный быт.

Культура, формируемая молитвой, – это не культура силы, а мира; не культура эффективности, а красоты; не культура контроля, а собрания и общности.

О социальных последствиях

Если порожденное молитвой богословие способно преобразовать личную жизнь и культуру, то его последствия для общества не могут быть менее глубокими. Такое богословие предлагает альтернативное ви́дение общественного устройства – ви́дение, основанное не на силе, прибыли или употребимости, а на святости, добродетели и духовной подлинности.

В центре этого ви́дения – радикальное переосмысление понятия мудрости и авторитета. Подлинный богослов, согласно древней максиме, может происходить из любого социального слоя и быть кем угодно по профессии, если только его сердце устремлено к Богу в истинной молитве. Оно превосходит социальные различия и ставит под вопрос обычную социальную иерархию и стратификацию. В обществах, характеризующихся неравенством и фрагментацией, молитва становится мерой истинного равенства – мостом, позволяющим любому человеку, независимо от его внешнего социального статуса, приобщиться к божественной мудрости.

Такое ви́дение подразумевает, что авторитет проистекает не из принуждения или силы власти, а из глубины человеческой общности с Богом. Такой авторитет становится убедительным, будучи не навязанным, а приобретенным, проистекая не из представления, а из тишины. Именно этот непринудительный, молитвой преображенный авторитет и есть то, что Церковь дарует миру – богословское свидетельство, коренящееся не в доминации, а в благодати.

При этом молитва – это не бегство из мира, а знакомство с его самыми глубокими потребностями и ранами. Подлинно молиться значит *представлять других* перед Богом. Богослов, который молится, не замыкается в рамки личного благочестия, а становится чутким и отзывчивым к страданиям других. Сочувствие становится неотделимым от созерцания. В этом контексте подлинное богословие становится пророческим голосом, говорящим правду сильным, защищающим бедных и разоблачающим несправедливость не идеологией, а милосердием.

Общины, питающиеся литургической молитвой, становятся общинами солидарности и взаимной принадлежности. Богословие перестает быть индивидуальной спекуляцией и становится общим

образом бытия. Литургия становится школой справедливости, миротворчества и добросовестности. В таких общественных рамках молитва не создает пассивность, а поощряет этическую бдительность: она учит христианина в любом человеке видеть образ Божий, а в любом поступке – вечное последствие перед лицом Божиим.

Богословие, порожденное молитвой, оказывает сопротивление доминирующим нарративам современности: оно предлагает альтернативу технократии, отмечая, что мудрость нельзя сводить к данным, экспертизе или голой эффектности; оно разоблачает консюмеризм, призывая к культуре простоты, внутренней жизни и умеренности, в противоположность ростовщической продуктивности и стяжательству; оно ставит под вопрос поверхностный активизм, подчеркивая, что активность должна корениться в созерцании, а справедливость – в благодати Духа Святого.

Прежде всего, оно предлагает всеохватывающее ви́дение возрастания человека, согласно которому тело, ум, чувства и дух объединены в единое движение к Богу. В свете сказанного богословие не критикует мир извне, а стремится преобразовать его изнутри: от сердца человека, через культуру, вплоть до основания общественного устройства.

Жить в соответствии с этим ви́дением значит исповедовать бытие действительности более глубокой, чем политика, более сильной, чем идеология и более постоянной, чем любое царство мира сего: Царство Божие присутствует уже сейчас в евхаристическом собрании Церкви, в скрытой жизни святых, в тишине подлинной молитвы и свидетельстве тех, богословие которых выковано в огне любви Божией.

Богословие как жизнь с Богом

Из древнего отеческого изречения не проистекает определение богословия в академических терминах, а открывается ви́дение богословия как образа бытия – жизни, прожитой с Богом, в смирении, молитве и любви. Речь идет о призыве к возобновлению понимания богословия как бытия в общности – как образа жизни, проявляющегося в слове, мысли, деле и культуре.

В мире, разделенном между интеллектуализмом, с одной стороны, и поверхностным активизмом, с другой, отеческая максима призывает соединить снова духовную глубину с ответственностью, преданность Церкви с общественной деятельностью. Подлинный богослов не уходит в личное благочестие, но и не растворяется в идеологическом шуме, а стоит – молитвенно – на перекрестке неба и земли, представляя мир перед Богом. Как свидетельствует святой Григорий Богослов: *Нужно действительно сначала очиститься и лишь потом приступить к беседе с Чистым* (Слово 27: *δεῖ γὰρ τῷ ὄντι καθαρθῆναι πρότερον, εἶτα τῷ καθαρῷ προσομιλῆσαι*). В связи с этим подлинный богослов – это не только тот, кто размышляет о Боге, но прежде всего тот, кто живет с Богом.

Такое ви́дение дает преображающую альтернативу и индивидуализму и коллективизму. Оно является подтверждением того, что подлинное обновление общества начинается не через государственные системы, а через преображенных лиц – тех, сердца которых формированы любовью Божией. Такое лицо становится носителем света не через доминацию, а через *кенотическое* свидетельство, подражая Христу, молившемуся в Гефсимании и в тишине принесшего Себя в жертву на Кресте.

Следовательно, богословие является не специализацией, а призванием; не привилегией избранных, а призывом, обращенным ко всем, действительно предстоящим Богу в молитве. Оно требует не только изучения, но и преображения – духовного, аскетического, литургического. Если хотят остаться верными своему ви́дению, духовные учебные заведения должны отдать предпочтение не только интеллектуальным достижениям, но в первую очередь освящению всей личности. Молитва не должна быть украшением жизни богослова, а его методом, его дыханием и ритмичным сердцебиением.

В центре этого ви́дения находится возобновленная христианская антропология: человек – это не преимущественно политическое или экономическое существо, а *существо литургическое (homo adorans)*. В молитве человек становится тем, к чему он призван – живой иконой Божества, участвующей в бытии Бога через благодать и Таинства.

Такое богословие предлагает тихий, но мощный ответ уставшей логике современной эпохи. Оно отвергает секулярное разделение между святым и светским, духовным и рациональным. Истину видит не как отвлеченное утверждение, а как Личность – Христа Воскресшего, Которого Церковь живет в литургической общности и молитвенном собрании.

Богословие как хранитель человеческого достоинства во времена идеологических упрощений

Таким образом богословие проявляет свою способность не только возвысить душу и мысль, но и очистить коллективное сознание общностей, введенных в заблуждение идеологическими упрощениями. Действительно, богословское призвание следует признать защитой от любой формы редукционизма. Ибо феномен идеологического редукционизма часто возникает тогда, когда принимаются дихотомные нравственные структуры, помещающие социополитическую реальность в жесткие рамки «добра» и «зла». Этот упрощающий подход отражает некоторые антропологические константы, присущие падшему состоянию человеческой природы, в особенности социальные образцы, веками складывавшиеся для обеспечения так называемой «коллективной безопасности».

В основе этого падшего способа понимания экзистенции лежит праисконная склонность к

бинарной классификации – разграничению общего «мы» и различного «они». В этой связи самоидентификация формируется через диалектический процесс, в котором присутствие «другого» становится нужным контрапунктом для собственного самопонимания: белизна подразумевает черноту в качестве своего концептуального оппозита; «западная» идентичность нуждается в «восточной» как необходимом противовесе; «цивилизация» предполагает «варварство» в качестве своей антитезы; «демократические» ценности утверждаются в противоположность якобы «авторитарным» системам. Этот образец открывает, что нравственное самосознание часто строится на контрасте – собственная «доброта» становится понятной лишь тогда, когда сопротивляется перципируемому «злу».

Идеологические системы дополнительно интенсифицируют эти возникшие по падении когнитивые склонности, усиляя племенные разделения и дифференциации. Такое толкование порождает два одновременных искажения реальности: излишнее подчеркивание внутригруппового сходства и преувеличение межгрупповых различий. Манихейские рамки толкования создают мощную кохезию внутри одной общности, поддерживаемую самоподтверждающим нарративом, в котором собственная группа представляет олицетворение нравственной исправности, тогда как другая сторона выступает в качестве персонификации нравственного извращения.

Исторические записи обильно свидетельствуют о страданиях общностей, вызванных насилием, проистекающим из таких идеологических и дуалистических конструкций. Эта трагичная реальность, столь хорошо знакомая русскому и сербскому народам, указывает на существенное значение аутентичного богословского дискурса – не как пустого академического упражнения, а животворного сохранения веры, народного наследия и культурной специфики. Богословская рефлексия, правильно понятая, становится хранителем полноты человеческого, народного и христианского достоинства и идентичности.

Вот почему древняя христианская максима: *Если ты истинно молишься, то ты – богослов* является не только духовным стремлением, но и пророческой заповедью. Она призывает к богословию, превосходящему фракционность, останавливающему полемику и становящемуся пространством встреч – не столкновений, а общности; не «обладания» истиной, а участия в Истине, которая есть сам Христос.

Знание в этом контексте перестает быть актом дистанцированного господства и становится смиренным участием в божественном бытии. Как свидетельствует апостол Павел: *И уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал 2. 20). Такое богословие начинается не с утверждения, а с тишины; не с диспута, а с поклонения.

Это изречение не только мистическая пословица, предназначенная для монахов. Оно является всеохватывающим ви́дением христианского бытия – ви́дением образования, управления, культурного возобновления и общественной жизни. Оно призывает богословов стать святыми, а святых – стать богословами. Оно разрушает ложные дихотомии созерцания и делания, веры и разума, Церкви и мира.

Заключительные мысли: Богословие как свидетельство единства и любви в свете Воскресения

Кроме того, этот отеческий принцип, согласно которому только тот, кто истинно молится, достоин называться богословом, выглядит как защита от элитистских стремлений в церковной жизни. Он подрывает любую склонность к богословскому самовозвышению и абсолютизации частных мнений, которые, будучи оторванными от молитвенного рассуждения и церковного смирения, могут стать семенами раздора.

Богословский элитизм представляет не очень заметную, но реальную опасность для сохранения церковного единства, особенно тогда, когда проявляется через жесткие личные позиции, которые ставятся выше живого Предания Церкви. Однако подлинное богословие, коренящееся в молитве и евхаристической общине, воспитывает смирение, открытость и способность слушать – Бога, Церковь и ближнего.

В свете сказанного взаимосвязь молитвы и богословия является не только выражением духовной зрелости, но становится хранителем единства Церкви Божией. Эта взаимосвязь сохраняет единство Тела Христова, напоминая всем, говорящим о Боге, что их слова должны рождаться в страхе Божием, в благоговении перед Тайной и в любви к Церкви.

В ярчайшем свете Воскресения, помним о том, что подлинное богословие не система, которую надо освоить, а жизнь, которую надо принести Богу. Богослов не только знаток божественной действительности, а участник в божественном бытии – тот, кто молится Воскресшему Христу и через любовь формируется по Его образу. Как объявляется в Божественной Литургии святого Иоанна Златоуста в ее апогее:

Сами себе и друг друга,
и весь живот наш
Христу Богу предадим.

В этом евхаристическом предании богословие достигает своей полноты – не в спекуляции и дискурсе, а в приношении. Ибо во Христе, Воскресшем и Прославленном, любое слово находит свою истину, а любая тишина – свое значение. Итак, исповедуем:

Христос воскресе из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.

Таким образом, пусть каждый богослов будет сначала свидетелем этой Пасхальной Тайны – не только словом, но и сердцем; не только мыслью, но и жизнью, преображенной светом, сияющим из пустого гроба.

В заключение, разрешите мне еще раз выразить свою самую искреннюю благодарность за большую честь, которая мне оказана. Принимаю этот дар любви со смирением и радостью, не как личный триумф, а как свидетельство вашего доверия к Церкви, которой служу, и к общей миссии, которую разделяем перед Господом.

Выражаю свои самые искренние и самые братские пожелания Его Святейшеству, Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу: да дарует Господь многая лета мудрого, пастырского и святоотеческого управления сестринской Русской Православной Церковью – на любое духовное преуспеяние возлюбленного русского народа, на укрепление нашего общего православного свидетельства, а также на укрепление нашего взаимного уважения, богоугодного сотрудничества и всестороннего общения в любви.

Всем верным священнослужителям, монашеству и народу Русской Православной Церкви выражаю самые теплые приветствия и искренние молитвенные пожелания. А всему русскому народу – народу глубокой духовности и исповедничества – всякое благое пожелание мира, процветания и благословения Божия.

Благодарю Господа и вашу любовь за эту честь, которую сейчас с радостью разделяю с верным народом Сербской Православной Церкви, самые теплые приветствия, искренние молитвы и пасхальные поздравления которого передаю вам в радости Воскресшего Христа.

Христос воскресе!»

Источник: https://mospat.ru/ru/news/93152/